

Стихотворение Пушкина «Отцы пустынноики и жены непорочны...» (1836) во второй части представляет собой весьма близкое переложение великопостной молитвы Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего...». Пушкин лишь в одном месте существенно отступает от первоисточника, вводя отсутствующий в последнем образ: «Владыко дней моих! Дух праздности унылой, Любоначалия, змеи сокрытой сей...». В. П. Старк в статье «Стихотворение „Отцы пустынноики и жены непорочны...“ и цикл Пушкина 1836 г.»¹ дает следующую оценку этому образу: «Основное внимание пушкинского стихотворения обращено на борьбу с любоначалством, этому греху дано расширительное определение: „змеи сокрытой сей“. Образ „змеи сокрытой“ в сиринской молитве отсутствует, однако, введенный Пушкиным, именно он придает стихотворению восточную красочность, сочность, которых лишен перевод...» Пушкин выделяет этот грех как важнейший — грех стремления к мирской власти, желания повелевать и в то же время грех преклонения перед властью. Так ставится Пушкиным проблема, которая является основной, сквозной для всего цикла 1836 г.»²

К этим наблюдениям должно быть добавлено следующее: в этой строке («Любоначалия, змеи сокрытой сей») Пушкин воспользовался готовой формулой из оды Андре Шенье (1762—1794) «Игра в мяч» («Le Jeu de paume»). Ода Шенье, впервые опубликованная отдельной брошюрой в начале 1791 г., затем вошла в первое собрание сочинений поэта, изданное в 1819 г. А. де Латушем. Ода воспекает Великую французскую революцию, в частности один из моментов, предшествовавших ее началу. Вскоре после созыва Генеральных штатов (5 мая 1789 г.), начавших заседания в Версале, депутаты третьего сословия поклялись в Зале для игры в мяч не расходиться до тех пор, пока не будет выработана конституция. Вскоре затем последовали штурм и падение Бастилии и утверждение «Декларации прав человека и гражданина», о чем с восторгом говорится в оде. Вместе с тем в этой оде, начиная примерно с середины, звучат сомнения в целесообразности дальнейшего углубления революции и призыв к народу успокоиться. В XV строфе говорится об опасной жажде власти:

Tout mortel dans son coeur cache, même à ses yeux,
L'ambition, serpent insidieux...

(«Всякий смертный в сердце скрывает, даже от своих глаз || Властолюбие, коварного змия»). Слово «ambition», которое имеет также значение «честолюбие», в данном случае выступает именно в значении «властолюбие» или (в более архаизированном виде) «любоначалие». Слово мужского рода «serpent» значит и «змий» («змей»), и «змея». Сначала Пушкин повторяет

¹ Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1982. Т. X. С. 193—203.

² Там же. С. 199.

формулу Шенье слово в слово: «Любопачалия, змеи коварной сей» (III, 1033), но затем изменяет эпитет «коварной» на «сокрытой», опираясь на текст Шенье, у которого всякий смертный «змия (или змею) властолюбия» скрывает. Так Пушкин спрессовывает и углубляет несколько растянутый у Шенье образ, сообщая ему лаконизм и особую силу. Человек скрывает «змею властолюбия» прежде всего от самого себя и этим питает ее, потому она так и страшна.

Займствование из А. Шенье в стихотворении Пушкина 1836 г. — еще одно свидетельство постоянного, до конца дней, интереса его к творчеству французского поэта, оказавшего существенное влияние на становление пушкинской поэтики. Это займствование свидетельствует также о внимательном, неоднократном прочтении гражданской оды Шенье.

Соседство Ефрема Сирина и Андре Шенье кажется неожиданным. Можно предположить, что для Пушкина поэзия была едина, и такие разные авторы, как христианский писатель, подвижник IV в., и поэт философского XVIII века, чуждый христианской религии, обладали для него равными, чисто поэтическими правами.

Вероятно также, что они объединились в его сознании как узники (оба подверглись тюремному заключению): на возможность употребления здесь слова «падный» в значении «узник» указал С. А. Фомичев³ («И падшего крепит неведомою силой» — III, 421).

Вместе с тем в образе Шенье есть и особенность, которая, очевидно, поразила Пушкина, — это его точная связь с библейским преданием. Ведь в книге Бытия змий искушал Еву возможностью стать как боги («...и вы будете, как боги...» — Бытие, 3, 5). Именно поэтому порок властолюбия называется в оде «коварным змием». Связь образа с ветхозаветным преданием подтверждается следующим, сменяющим его образом, также относящимся к «ambition»:

...L'ambition, serpent insidieux,
Arbre impur que déguise une brillante écorce.

(«...Властолюбие, коварного змия, || Тлетворное дерево, покрытое блестящей корой»). Райское дерево, сулившее власть и всеведение, которыми обладал один бог, было «приятно для глаз и вожделенно» (Бытие, 3, 6).

В следующих строках этой строфы говорится, с явным намеком на библейский «плод от дерева», о сладостном вкусе (буквально: мякоти) абсолютной власти:

L'empire, l'absolu pouvoir
Ont pour la vertu même une mielleuse amorce.

(«Господство, неограниченная власть || Сладостная приманка даже для добродетели»). Ветхозаветная подоплека образа Шенье, несколько (если не сказать вовсе) посторонняя содержанию его оды, скорее просто украшающая образ, придающая стилю высоту, показалась, видимо, Пушкину орга-

³ Фомичев С. А. Последний лирический цикл Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1981. Л., 1985. С. 62—63.

ничной для его стихотворного переложения. И, быть может, «любоначалие» равнозначно в этом переложении не столько «стремлению к мирской власти», как пишет В. П. Старк, сколько желанию стяжать полноту божественной власти, стать богом, Творцом с большой буквы. То, что Пушкин, воспользовавшись формулой Шенье, действительно выделяет, как верно замечает В. П. Старк, грех любоначалия среди всех прочих, свидетельствует и о субъективном осмыслении канонических христианских представлений, выраженных в молитве Ефрема Сирина, где основные грехи и добродетели просто перечисляются: они или нежелательны, или вожделенны в равной степени. Об отходе от традиционных христианских представлений говорит и эпитет «печальные», характеризующий дни Великого поста («Во дни печальные Великого поста»). Великий пост, по христианским представлениям, не только время скорби, но и время духовной радости, дарующее возможность принести покаяние и получить прощение, время, осмысливаемое в неразрывном единстве с воскресением. Таким образом, желание углубить, субъективно осмыслить первоисточник при посредстве художественной формулы Шенье неразрывно связывалось у Пушкина с частичной деканонизацией религиозных представлений.

Отметим также другие, не отмечавшиеся прежде заимствования Пушкина из стихотворений Шенье.

Неоконченный пушкинский отрывок «О боги мирные полей, дубров и гор» (1824) представляет собой довольно близкий перевод нескольких строк из элегии Шенье «Quand la feuille en festons a couronné les bois» («Элегия X, кавалеру де Ланжу»), что видно из их сравнения.

У Пушкина:

О боги мирные полей, дубров и гор,
 Мой Аполлон ваш любит разговор,
 Меж вами я нашел и Музу молодую,
 Подругу дней моих, невинную, простую,
 Но чем-то милую — не правда ли, друзья?
 И своенравная волшебница моя,
 Как тихий ветерок, иль пчелка золотая,
 Иль беглый поцелуй, туда, сюда летая

(II, 316)

У Шенье:

Bois, écho, frais zéphyrs, dieux champêtres et doux,
 Le génie et les vers se plaisent parmi vous.
 J'ai choisi parmi vous ma Muse jeune et chère;
 Et, bien qu'entre ses sœurs elle soit la dernière,
 Elle plaît. Mes amis, vos yeux en sont témoins.
 Et puis une plus belle eût voulu plus de soins;
 Délicate et craintive, un rien la décourage,
 Un rien sait l'animer. Curieuse et volage,
 Elle va parcourant tous les objets flatteurs
 Sans se fixer jamais, non plus que sur les fleurs
 Les zéphyrs vagabonds, doux rivaux des abeilles,
 Ou le baiser ravi sur des lèvres vermeilles.⁴

⁴ Oeuvres complètes d'André Chénier. Paris, 1819. P. 99—100.

Даем подстрочный перевод:

Рощи, эхо, свежие зефиры, кроткие полевые боги,
Гению и поэзии нравится быть среди вас.
Я выбрал среди вас мою Музу, юную и милую;
И, хотя среди своих сестер она последняя,
Она нравится. Друзья мои, вы тому свидетели.
И к тому же более красивая потребовала бы больше забот;
Хрупкую и робкую, ее огорчает пустяк,
Пустяк может ее оживить. Любопытная и непостоянная,
Она обегает все милые предметы,
Никогда не останавливаясь (задерживаясь) долее, чем
на цветах
Блуждающие зефиры, нежные соперники пчел,
Или поцелуй, сорванный с алых губ.

Необычный образ из стихотворения Пушкина «Из Пиндемонти»:
«...себе лишь самому Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи» — имеет свой источник в эле-
гии Шенье «O jours de mon printemps, jours couronnés de rose» («О дни
моей весны, дни, увенчанные розами»):

Qui ne sait être pauvre est né pour l'esclavage.
Qu'il serve donc les grands, les flatte, les menage,
Qu'il plie en approchant de ses superbes fronts
Sa tête à la prière et son âme aux affronts.⁵

Подстрочный перевод:

Кто не умеет быть бедным, рожден для рабства.
Пусть же он служит знатым, льстит им, угождает,
Пусть, приближаясь к этим надменным лбам,
Преклоняет голову для мольбы, а душу для оскорблений.

2

В 1827 г. Пушкин перевел стихотворение А. Шенье «Près des bords où Venise est reine de la mer» («Близ мест, где Венеция — царица моря»). Это стихотворение было записано Пушкиным в принадлежавшем ему первом сборнике произведений французского поэта (вышедшем в 1819 г.) с пометой по-французски: «Vers inédits d'André Chénier»⁶ (такая же помета, но по-русски: «Неизданные стихи Андрея Шенье» — сопровождает пушкинский перевод («Близ мест, где царствует Венеция златая») в рукописи (III, 600)). Б. В. Томашевский прокомментировал перевод Пушкина в III томе академического десяти томника Пушкина следующим образом: «Перевод стихотворения Андре Шенье, опубликованного в 1827 г.»⁷ Почему же стихи Шенье названы у Пушкина неизданными? Это определение кажется однозначным, и в 1935 г. М. А. Цявловский отметил: «Стихи Шенье были списаны Пушкиным до их публикации с какого-то рукопис-

⁵ Ibid. P. 112—113.

⁶ Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. 9—10. С. 192.

⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1957. Т. III. С. 484.

ного текста».⁸ Однако Пушкин записал стихотворение, уже опубликованное.

Стихотворение Шенье «Près des bords où Venise...» было впервые опубликовано в 1826 г. в журнале «Mercure du XIX siècle»,⁹ затем перепечатано в книге «Oeuvres posthumes d'André Chénier» (книга вышла в начале 1827 г.).¹⁰ Публикация стихотворения Шенье открывала очередной номер журнала под заголовком: «Vers inédits d'André Chénier», — так оно было выделено на фоне стихотворений, вошедших в сборник 1819 г.¹¹ Главным редактором журнала «Mercure du XIX siècle» был Анри де Латуш, опубликовавший первое собрание сочинений Шенье. При печатании стихотворения он внес в него ряд исправлений, так что, сравнивая перевод Пушкина с оригиналом, необходимо учитывать это: в позднейших изданиях Шенье (начиная с издания 1874 г. и далее) текст этого стихотворения, публиковавшийся на основании сохранившейся рукописи, несколько отличается от журнального варианта.

Еженедельный журнал «Mercure du XIX siècle» вышел в Париже 19 августа 1826 г. 22 августа в Москве состоялась коронация Николая I, торжества по этому поводу сопровождались большим наплывом иностранных гостей. Журнал, вышедший 6 августа по старому, русскому стилю, был, вероятно, в это время привезен кем-то из иностранцев в Москву. В начале сентября 1826 г. (когда коронационные празднества еще продолжались) в Москву прибыл Пушкин. В это же время там находился приятель Пушкина поэт В. И. Туманский, по возвращении в Одессу также переведший это стихотворение Шенье.¹² Пушкин же, по-видимому, вернувшись в Михайловское, вписал французский текст в свой сборник Шенье. В его записи имеются некоторые отличия от текста, опубликованного в журнале; возможно, он записывал по памяти или переписывал с рукописного списка. Так, в одном случае вместо инверсии, как в оригинале («D'un aviron léger» — «Веслом легким»), у Пушкина имеет место прямой порядок слов («D'un léger aviron» — «Легким веслом»), слова «dieu» («бог») и «aquilons» («аквилоны») написаны с прописной буквы, а слово «échos» («эхо, отзвуки»), стоящее в оригинале во множественном

⁸ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты // Подготовили к печати и комментировали М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 504.

⁹ *Mercure du XIX siècle*. Paris, 1826. T. XIV, N 175. P. 241. На это впервые обратил внимание исследователь творчества Шенье Л. Бек де Фукур в кн.: *Becq de Fouquières L. Lettres critiques sur la vie, les oeuvres, les manuscrits d'André Chénier*. Paris, 1881. P. 41.

¹⁰ *Oeuvres posthumes d'André Chénier / Revues, corrigées et mises en ordre par D.-Ch. Robert*. Paris, 1826. P. 257—258.

¹¹ Характерно, что и в книге 1826 г. это стихотворение Шенье, единственное новое по сравнению со сборником 1819 г., в примечании издателя Ш. Робера названо «неизданным фрагментом» («Fragment inédit»): «Этот неизданный фрагмент, — писал издатель, — <...> предоставлен нам в момент печатания этого листа г. А. де Латушем, главным редактором журнала „Mercure du XIX siècle“» (*Oeuvres posthumes d'André Chénier*. P. 258).

¹² А не до отъезда в Москву, как пишет С. Н. Браиловский. В подзаголовке перевода Туманского «Гондольер и поэт» стоит: «Перевод неизданных стихов Андрея Шенье» (*Туманский В. И. Стихотворения и письма*. СПб., 1912. С. 166; Примеч., с. 366).

числе, записано в единственном числе (*écho*). Наконец, имеется целый ряд отличий в пунктуации: из них особенно интересны три тире, которых вообще нет в оригинале; думается, что эти тире, стоящие в местах пауз, являются свидетельством того, что Пушкин записывал по памяти (об этом, как уже отмечалось в пушкинистике,¹³ говорит также то, что вместо пятой строки он начал писать девятую и, заметив ошибку, зачеркнул написанное).

У Шенье эти стихи, которые являются в свою очередь вольным переводом совета итальянского поэта XVIII в. Дж. Б. Ф. Дзаппи «*Il gondolier, sebben la notte imbruna*», должны были предварять одну из его буколик. Поэтому в них герой любит повторять «сельские песни» («*Les rustiques chansons que j'aime à répéter*» — «...песни, которые я люблю повторять»). У Латуша эта строка поправлена и романтизирована: «*Et les vers inconnus que j'aime à méditer*» («И неизвестные стихи, которые я люблю тайно обдумывать»). Строку в таком ее виде близко перевел Пушкин: «И тайные стихи обдумывать люблю». У Шенье гондольер любит песни вообще («*Il aime les chansons*»); при издании текст был поправлен: «*Il aime ses chansons*» («Он любит свои песни»); Пушкин же поставил акцент на притяжательном местоимении: «Он любит песнь *свою*». Близко к Латушу перевел он и вторую половину этой строки, также поправленную при издании (вместо «*Il aime les chansons. Il chante. Sans désir...*» — у Латуша: «*Il aime ses chansons, il chante sans désir*» — «...поет он для забавы»).

Существенные поправки внесены и в ряд других строк. Так, у Шенье:

Il chante, et cheminant sur le liquide abyme,
Sait égayer ainsi sa route maritime.

(«Он поет и, плывя по зыбкой бездне, || Умеет усладить таким образом свой морской путь»).

У Латуша:

Il chante et plein du dieu qui doucement l'anime,
Sait égayer du moins sa route sur l'abyme.

(«Он поет и, полный бога, который его тихо (сладостно) вдохновляет, || Умеет хотя бы усладить свой путь над бездной»). В таком виде эти две строки имеют более романтическую окраску по сравнению с их объективным, перифрастическим стилем у Шенье. Пушкин сохранил образность опубликованного текста, заменив бога на музу («И тихой музы поля...»).

Романтическую окраску несут и другие поправки. Девятая строка в подлиннике Шенье не окончена: «*Comme lui je me plais à chanter...*» («Как он, я люблю петь...»). У Латуша она завершена: «*Comme lui sans échos je me plais à chanter*» («Как он, без отзвуков, я люблю петь»). Пушкин, написав слово «*écho*» в единственном числе, точно переводит эту строку: «Как он, без отзвука утешно я пою».

В последних строках у Шенье (у Пушкина в переводе последние строки переставлены местами) сказано, что «сельские песни» услаждают

¹³ Сандомирская В. Б. Переводы и переложения Пушкина из Андре Шенье // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1978. Т. VIII. С. 104.

жизненный путь героя — «горестный путь, часто сопровождаемый корабле крушениями»: «Route amère et souvent de naufrages suivie». «Парус», который так жестоко преследуют аквилоны, — образ, внесенный в текст Латушем:

Adoucissent pour moi la route de la vie
Où de tant d'aquilons ma voile est poursuivie.

(«Услаждают мой жизненный путь, || На котором мой парус преследуется столькими аквилонами»).

Как видно, поправки текста бережно сохранены Пушкиным в переводе, что говорит о его особой чувствительности к романтическим нотам стихотворения. Романтические тенденции стихотворения, которые хорошо почувствовал и усилил Латуш, у Пушкина уже полностью обнажены: у него прямо говорится об одиночестве гребца и самого поэта. Этот имплицитно содержащийся в источнике перевода мотив одиночества Пушкин делает эксплицитным: «Один, ночной гребец...» (у Шенье: «le gondolier nocturne», буквально: «ночной гондольер»), «...мой парус одинокий» (в опубликованном тексте просто «ma voile» — «мой парус»).¹⁴

Отметим, что помимо В. И. Туманского это стихотворение Шенье перевел также И. И. Козлов (его перевод напевными амфибрахиями «Над темным заливом, вдоль звучных зыбей» появился в «Невском альманахе» на 1828 г. вместе с пушкинским).¹⁵ Интересный вариант предложил П. А. Плетнев, в стихотворении которого «Рыболов» (1827), явно вдохновленном стихотворением Шенье, гондольер заменен волжским рыболовом.¹⁶ От всех этих переводов перевод Пушкина отличается строгой, высокой точностью.

3

Знал ли Пушкин действительно не опубликованные при его жизни произведения Шенье и как далеко простирались его сведения об этом поэте до выхода в свет первого собрания сочинений последнего — этот вопрос был вновь поднят в связи с публикацией пушкинских штудий Анны Ахматовой.¹⁷

Единственным свидетельством самого Пушкина о его знакомстве с творчеством французского поэта остается начатая и не завершенная им заметка об Андре Шенье (1825). Интересно, что в черновых вариантах этой заметки приводятся сведения о творчестве Шенье, показывающие, что Пушкин был хорошо знаком не только с отзывом Шатобриана и приведенными в примечаниях ко второму тому «Гения христианства» (1802) тремя стихотворениями Шенье, но и с журнальными публикациями неко-

¹⁴ Французский исследователь Д. Стремухов высказал предположение, что лермонтовский «парус одинокой» — образ, пришедший именно из этого перевода Пушкина (*Strémoukhoff D. André Chénier en Russie // Revue de littérature comparée*. 1957. Т. 31, N 4. P. 540).

¹⁵ Текст см.: Козлов И. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1960. С. 125—126, 455.

¹⁶ См.: Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972. Т. 1. С. 346—347.

¹⁷ Ранние пушкинские штудии Анны Ахматовой (по материалам архива П. Лукницкого) // Вопросы литературы. 1978. № 1. С. 185—228.

торых стихотворений этого поэта до 1819 г.: «Долго славу его составляло несколько слов, сказанных о нем Шатобрианом, два или три отрывка [в древнем элегическом роде, Ода Младой Узницы] и общее сожаление об утрате всего прочего» (II, 953). «Два или три отрывка» — это стихотворения Шенье, приведенные Шатобрианом. А выражение «в древнем элегическом роде» говорит о том, что Пушкину, вероятно, еще до 1819 г. не раз попадалась публиковавшаяся во французских журналах «*Décade philosophique*», «*Almanach des muses*» и др. «элегия в древнем вкусе» («*Élégie dans le goût ancien*») «Юная Тарентинка».¹⁸ Ода «Молодая узница» была первым опубликованным стихотворением Шенье после его смерти и часто перепечатывалась во французских журналах 10-х годов XIX в. Возможно, что Пушкин был знаком и с другими публикациями стихотворений Шенье.¹⁹ Характерно, что Пушкин говорит в своей заметке о «славе» Шенье еще до 1819 г.: «Долго славу его составляло...».

Как известно, после издания сборника Шенье этот поэт стал у Пушкина одним из любимых. Наиболее сильное увлечение им Пушкин пережил в период южной ссылки.

Ахматова обратила внимание на признаки знакомства Пушкина с произведениями Шенье, не вошедшими в сборник 1819 г. и опубликованными уже после смерти Пушкина: она указала на подобие образов из монолога Пимена и эпилога неоконченной поэмы Шенье «Гермес», на сходство стихотворения «Арнон» и стихотворения Шенье «Дриант», а также на близость последней строки из стихотворения «Напрасно я бегу к сжонским высотам» и строки из фрагмента «Гермеса».²⁰

Следует также отметить, что строки из стихотворения Пушкина «Андрей Шенье» «Подъялась вновь усталая секира || И жертву новую зовет» перекликаются со строками из написанных в тюрьме и не издававшихся при жизни Пушкина ямбов Шенье «On vit; on vit infâme...» («Живешь, живешь бесчестным...»); «*Quelle sera la proie || Que la hache appelle aujourd'hui?*» («Кто будет жертвой, которую ныне зовет топор?»).²¹

Укажем также на то, что имеется определенное сходство строк из все того же эпилога к поэме «Гермес» и заключительных строк первой главы «Евгения Онегина», в которых Пушкин говорит:

Иди же к невским берегам,
Новорожденное творенье,
И заслужи мне славы дань:
Кривые толки, шум и брань!

(VI, 30)

¹⁸ В журнале «*Décade philosophique*» (1802) это стихотворение было опубликовано в статье бывшего союзника Шенье литератора П. Женгене и предварялось прочувствованными словами о «несчастном» Андре Шенье: *Décade philosophique, littéraire et politique... Paris, an X [1802]. P. 231—232.*

¹⁹ На них указывается в книге: *Poésies d'André Chénier / Edition critique par L. Becq de Fouquières. Paris, 1872. P. LXXV—LXXX.*

²⁰ Ранние пушкинские штудии Анны Ахматовой. С. 190—192.

²¹ *Oeuvres poétiques de André Chénier. Paris, 1889. T. 2. P. 299.* В данном случае, однако, может иметь место простое совпадение: первоначальный вариант этих строк был: «Подъялась вновь усталая секира. / В темнице он. Толпа его зовет» (II, 938).

Шенье в эпилоге также обращается к своей поэме, называя ее своим «детищем» («O mon fils, mon Hermès...»), которое он, «отец», снаряжает в путь, так как «надо идти» («il faut partir»), и беспокоится о судьбе его во Франции:

Dans la France, pour toi, que faut-il que j'espère?
Jadis, enfant chéri, dans la maison d'un père
Qui te regardait naître et grandir sous ses yeux...²²

(«Какой доли ждать мне для тебя во Франции? || Когда-то, дорогое дитя, в доме отца, || На глазах которого ты родился и возрастал...» и т. д.). В конце эпилога, после того как возникает образ мудреца, при свете лампы проникающего в смысл строк найденной им пыльной рукописи (образ, впоследствии подхваченный, по мнению Ахматовой, в монологе Ппмена), Шенье пишет:

Il (мудрец. — *Е. Г.*) verra si du moins tes feuilles innocentes
Méritaient ces rumeurs, ces tempêtes, ces cris
Qui vont sur toi sans doute, éclater dans Paris.²³

(«Он увидит хотя бы, заслуживали ли твои невинные листы || Тот ропот (шум), те бури, те крики, || Которые, без сомнения, обрушатся на тебя в Париже).

Представляется вероятным, что с некоторыми не вошедшими в сборник 1819 г. произведениями Шенье, в частности с эпилогом «Гермеса», мог познакомить Пушкина В. И. Туманский, в августе 1823 г. приехавший в Одессу, как раз когда Пушкин писал первую главу «Евгения Онегина» (законченную 22 октября 1823 г.).²⁴ В 1821 г. Туманский возвратился из Франции, где провел около двух лет.

Туманский приехал в Париж в 1819 г., непосредственно после выхода в августе этого года первого сборника Шенье, — события, вызвавшего большой резонанс в парижской литературной среде и возбудившего особенно сильный интерес к личности и творчеству поэта. В Париже Туманский слушал лекции в Коллеж де Франс. Лекции по истории и морали в это время читал там П.-Ф. Дону, у которого находились рукописи Шенье после смерти (в 1811 г.) его брата Мари-Жозефа (Дону был близким другом и душеприказчиком последнего). В 1819 г. Дону расстался с рукописями, передав их одному из оставшихся в живых братьев Шенье (часть попала к Латушу, занимавшемуся подготовкой издания), но в свое время по достоинству оценил их. Он не делал из них тайны: в 1814 г. рукописи Шенье читал поэт Ш. Шендолле, призвавший Дону как можно скорее опубликовать наследие Шенье,²⁵ а в 1816 г. Дону ознакомил с ними

²² Oeuvres poétiques de André Chénier. T. 2. P. 104.

²³ Ibid.

²⁴ На основании наблюдений Ахматовой В. С. Непомнящий делает следующий вывод о возможном времени знакомства Пушкина с неизданным Шенье: «...ранние заятия Ахматовой Пушкиным <...> побуждают выдвинуть гипотезу о знакомстве Пушкина с неизданным Шенье — по крайней мере с первой половины 20-х годов» (Ранние пушкинские штудии Аппы Ахматовой. С. 223).

²⁵ См.: Poésies d'André Chénier... par L. Becq de Fouquières. P. LXXIX.

литератора Л. Файолля, который опубликовал отрывки из поэмы «Ничий».²⁶ Дону сам начал подготовку издания, а затем привлек к этой работе Латуша.

Туманский, приехавший в Париж с сенатором князем П. П. Щербатовым, был, по всей видимости, введен в самые крупные литературные салоны города, которые посещали Дону, автор опубликованного в 1819 г. «Опыта о гарантиях личности», получившего широкую известность, и Латуш, приобретший известность как журналист и издатель Шенье. К сожалению, никаких сведений о жизни Туманского в Париже в 1819—1820 гг. не сохранилось.

Весной 1821 г. Туманский встретился в Париже с Кюхельбекером. Имена некоторых парижских знакомых Кюхельбекера, а значит в это время и Туманского, известны.²⁷ Кюхельбекер в ту пору готовился читать в Париже лекции о русской литературе и вращался в том кругу либерально настроенной интеллигенции, к которому принадлежали Дону и Латуш. Кюхельбекер выступал с лекциями в зале Атене Рояль, где также читали лекции Дону и П.-Л. Редерер, лично знавший Шенье в пору революции. Кюхельбекер и Туманский общались с такими представителями французской интеллигенции, как Б. Констан, ученый Лаплег, драматург В. Ж. Э. Жуи,²⁸ журналист Жюльен, т. е. с теми, кто сотрудничал в либеральных парижских изданиях «*Minerve littéraire*», «*Revue encyclopédique*» и др. Среди сотрудников этих изданий был в то время и Латуш.

Латуш при подготовке издания читал все рукописи Шенье (причем не один: их читал с ним поэт Ж. Лефевр-Демье,²⁹ а также, вероятно, близкий друг и соавтор Латуша — поэт Э. Дешан). Часть рукописей Латуш оставил у себя, другую вернул родственникам Шенье. Все, что хранилось у Латуша, позднее бесследно пропало, кроме тех рукописей, которые он раздал друзьям. Некоторые манускрипты получили от Латуша Э. Дешан, Ш. Нодье, Ш. Сент-Бев.³⁰ Л. Бек де Фуquieres нашел впоследствии в одной из частных коллекций автограф прозаического наброска к поэме «Гермес».³¹ Интересующие нас фрагменты «Гермеса» остались у родственников Шенье, однако Латуш и после 1819 г. имел доступ к рукописям (так, в 1826 г. он опубликовал стихотворение «*Près des bords où Venise...*», а в 1829—1830 гг. еще ряд стихотворений Шенье из архива, хранившегося у его родственников); к тому же он мог снять копии в ту пору, когда все рукописи находились у него.

²⁶ См.: *Mélanges littéraires composés de morceaux inédits de Caylus...* d'André Chénier. Paris, 1816.

²⁷ См.: Тынянов Ю. Н. Французские отношения Кюхельбекера // *Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники*. М., 1968. С. 308 и след.

²⁸ Жуи оценил талант Шенье еще до 1819 г. Его салон был в бытность во Франции Туманского средоточием ведущих литературных сил страны. См.: *Biographie universelle ancienne et moderne*. Paris, 1858. Т. 21. P. 269.

²⁹ *Becq de Fouquieres*. Documents nouveaux sur André Chénier et examen critique de la nouvelle édition de ses oeuvres. Paris, 1875. P. 135.

³⁰ *Ibid.* P. 145.

³¹ *Becq de Fouquieres*. Lettres critiques... P. 96.

Туманский был большим почитателем Шенье, увлекался его поэзией (об этом свидетельствуют пять ее переводов, сделанных в 1826—1832 гг.,³² стихи, написанные под влиянием Шенье, например «Картина Жиродела», 1820, «Музы», 1822) и, по свидетельству одного из писем, не расставался с его сборником.³³ Он, конечно, не мог упустить возможность ознакомиться с неизданными произведениями Шенье, если таковая была ему предоставлена в кругу его парижских знакомств. Если Туманский узнал какие-либо неизданные произведения Шенье, то, приехав в 1823 г. в Одессу, мог сообщить их Пушкину. Известно, что они были в Одессе большими приятелями и виделись почти ежедневно. Если в это время Пушкин услышал эпилог «Гермеса», то не случайно именно строки о будущем нового творения вызвали в первую очередь его отклик: ведь он сам заканчивал первую главу новой поэмы, о судьбе которой много думал.

Е. П. Гречаная

ИЗ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИХ ЗАМЕТОК

1. Первая программа записок (к истолкованию плана)

Начало Первой программы записок, которую Пушкин набросал предположительно в 1830—1832 гг., в академическом Полном собрании сочинений поэта публикуется так: «Семья моего отца — его воспитание — французы-учителя. — [Мг.] Вонт. <?> секретарь¹ Mr. Martin. Отец и дядя в гвардии. Их литературные знакомства. — Бабушка и ее мать — их бедность. — Ив.<ан> Абр.<амович>. — Свадьба отца. — Смерть Екатерины. — Рождение Ольги. — От.<ец> выходит в отставку, едет в Москву. — Рождение мое» (XII, 307).

Первоначально фразу «Бабушка и ее (в оригинале скорее «ея») мать — их бедность» Пушкин не написал. После «Отец и дядя в гвардии. Их ли-

³² «Гондольер и поэт», «Отрывок», «Приглашение», «Отроковице» и пять заключительных строк стихотворения «Болезнь». Строки из стихотворения «Имя милое России» («Имя милое России Часто на моих устах») являются буквальным переводом (с заменой Франции на Россию) строк из элегии Шенье «*Sans parents, sans amis et sans concitoyens*»: «*Le doux nom de la France est souvent sur ma bouche*» («Милое имя Франции часто на моих устах»). См.: Туманский В. И. Стихотворения и письма... С. 166, 167, 195, 196, 130—131.

³³ В 1838 г. Туманский, исполнявший должность секретаря посольства в Константинополе, писал министру просвещения С. С. Уварову: «При последнем возвращении моем из-за границы в Россию Одесский цензурный комитет удержал находившуюся при мне книгу — *Poésies d'André Chénier*. Сверх того, в Одесском же комитете хранятся <...> несколько томов Байрона. Первая из этих книг драгоценна для меня как неразлучный спутник мой в продолжение 18 лет, и наполнена собственными заметками» (см.: Оксман Ю. Г. Борьба с Байроном в александровскую и николаевскую эпоху // Начала. Пг., 1922. Кн. 2. С. 262).

¹ Вонт. — вероятнее франц. *Vong*; «секретарь» — чтение весьма сомнительное.